

ЩИТ В ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «АЯКС» И МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ГЕРОИЧЕСКОГО МИРА

НАСТАВЛЯТЬ И ЗАЩИЩАТЬ*

В.К. ПИЧУГИНА

В «Илиаде» нашла отражение особая материальность мира, в котором существовал воин и его оружие. Щит гомеровского героя был контактной поверхностью, которая одновременно проницаема и непроницаема для внешних воздействий, потому что тело героя постоянно находилось в пространстве между жизнью и смертью. Присутствующие у Гомера описания героев со щитами и слова, которые обозначают щиты, позволяют увидеть наличие или отсутствие границы между человеческим («живая» телесность) и нечеловеческим («неживая» металлическая). В «Илиаде» сложность контекстов употребления слов «σάκος» или «ἄσπίς» для обозначения щита героя вероятно связана со сложностью определения героя как носителя щита, когда прочность щита обеспечивает «прочность» героя и наоборот. В «Илиаде» Аякс был единственным героем, щит которого назывался только словом «σάκος», имел семь слоев, обеспечивал прочность, подобную камню, и, как и в случае с Ахиллесом, налагал на своего носителя особые обязательства. В трагедии Софокла «Аякс» спор Аякса и Одиссея о доспехах Ахиллеса помещен в пространство сложной материальности слов и дел. В трагическом мире история героя как носителя особого щита получает завершение и значимость щита пересматривается че-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках исследовательского проекта № 24–18–00349 «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества».

рез употребление слов «σάκος» и «ἀσπίς»). Значимым становится не только щит героя, который подчёркивает его традиционную роль защитника, но и меч, который делает его нападающим сначала на других, а затем на самого себя. Как и у Гомера, у Софокла развивается идея о том, что важным для щита и его носителя является не только способность защитить, но способность наставить себя и других. Щит Аякса приобретает особую роль в защите и наставлении сына Аякса Еврисака, имя которого означало «широкий щит». Самоубийство героя метафорически определяется столкновением металла (меча) и камня (тела героя); столкновение, которое не может предотвратить даже знаменитый щит Аякса, вместе с которым он был похож на монолитную каменную глыбу.

Тема война и его оружия — одна из главных тем для древнегреческих авторов, творивших в условиях перманентных военных конфликтов. «Илиада» Гомера содержит множество описаний готовящихся к бою, участвующих в бою или вышедших из боя героев, которые имели разное вооружение. Эти описания открывают возможность для множества интерпретаций сложной материальности героического мира: как присущая человеку «живая» телесность (во всех ее аспектах, от силы до слабости) объединяется с присущей оружию «неживой» металличностью (во всех ее аспектах, от прочности до хрупкости). Особенности этого мира проявляются в сходстве или различии в использовании целого ряда слов, из которых я сосредоточусь лишь на тех, что обозначают щиты и описывают их как основу многомерной защиты тела героя¹.

Каким бы образом ни рассматривался многомерный вопрос о материальности мира у Гомера, он неизбежно приводит к самому «материальному» из гомеровских героев — Аяксу. Знаменитый фрагмент, где облаченный в доспехи Аякс под натиском нападающих становится единым целым со своим щитом и уподобляется мо-

¹ Здесь и далее я буду исходить из тезиса, который обозначен у В. Гавриленко: то, что «слишком грубо называют “телом”», у Гомера представляет собой сложное описание материи, балансирующее на грани «тела» и «не-тела», телесного / физиологического и душевного / ментального (Gavrylenko [2012]. P. 482).

нолитной каменной глыбе (Ном. II. XVI. 102–11), открыл для исследователей простор для многочисленных интерпретаций в рамках как традиционного, так и нового материализма. В этом фрагменте, анализ которого будет осуществлен ниже, щит Аякса является много большим, чем просто одним из главных элементов его вооружения. Благодаря Гомеру Аякс и его щит становятся значимой частью литературной традиции, в рамках которой герой вместе со щитом осуществляет непростой переход из эпоса в другие жанры. В трагическом мире то самое удивительное единство Аякса и его щита, которое мы наблюдаем в эпическом мире, претерпевает существенные изменения. Примером является трагедия Софокла «Аякс», где история героя как носителя особого щита получает завершение, когда герой совершает самоубийство. Софокл задает новую тональность обсуждению материальности героического мира, отталкиваясь от гомеровских описаний, где подчеркивается особая связь Аякса и его щита. В рамках данной статьи я сосредоточусь на материальности мира Аякса не только как главного защитника среди греков (то есть на щите как основе физической защиты тела), но и на Аяксе как их наставнике — не слишком частой, но успешной роли героя (то есть на щите как основе ментальной защиты героя и окружающих).

***Аякс — главный защитник среди греков:
герой-щит или герой-камень***

В «Илиаде» облаченный в доспехи Аякс под натиском нападающих становится единым целым со своим щитом и уподобляется монолитной каменной глыбе:

...сияющий шлем под ударами звоном
Страшным звучал у висков; без конца ударялися копыя
В бляхи прекрасного шлема. Замлело плечо у Аякса,
Крепко дотоле державшее щит многопестрый. Не в силах
Были троянцы пробить этот щит, как ни сыпали копыя.

(Ном. II. XVI. 104–108; пер. В. Вересаева)

Здесь «даже сама грамматика сцены»¹ работает на то, чтобы показать особую материальность пространства, в котором существует Аякс. Количественность (постоянная практика использования вооружения) перешла в особый тип качественности: шлем и голова

¹ Purves (2015). P. 82.

Аякса, а также его щит и рука настолько сближаются, что переходят друг в друга (Ном. II. XVI. 102–11), являя то, что можно назвать антропоморфной активностью. Аякс не просто держит защищающий тело щит, а держит его почти вне отрыва от собственного тела, являя уникальный феномен так называемого тела-щита (body-shield¹). Мы видим не просто Аякса и его щит; мы видим, что щит — это в некотором смысле тоже Аякс². В этой сцене перенапряжение держащего щит Аякса прочитывается не столько как то, что его неминуемо ослабляет, сколько как то, что его еще больше усиливает.

Щит Аякса, который так часто упоминает Гомер, в дальнейшем стал рассматриваться как важнейший аргумент в споре Аякса и Одиссея о том, кто лучший воин после Ахиллеса и достоин получить его щит. Многочисленные обращения античных авторов к этому спору создали сложную традицию представления гомеровского героя как носителя щита, которая изучается современными исследователями через призму материальности. На одном из полюсов П. Вудрафф с идеей о том, что спор Аякса и Одиссея за доспехи Ахиллеса — это вечный вопрос о несправедливости распределения материальных благ³. Материальность гомеровского мира здесь рассматривается через бинарную оппозицию: призом в споре о нематериальном является материальный объект, и проигравший в нем Аякс совершает самоубийство от обиды, что остается со своим щитом, а не со щитом Ахиллеса. На другом полюсе А. Первес обосновывает, что оружие могло быть частью тела героя и приобретать человечность, и С. Вейль — что тело под натиском оружия могло превращаться в неживую материю, почти в вещь⁴. В таком контексте в споре Аякса и Одиссея щит Ахиллеса является много большим, чем наградой за боевые заслуги; это сама возможность жизни,

¹ Bershadsky (2010). P. 3.

² И это далеко от механистического понимания, которое присутствует у Аристотеля в «О душе»: «...среда воздействует на нас, осязаемое же мы ощущаем не через среду, а вместе со средой, подобно тому как получают удар через щит, ибо в этом случае не щит, получив удар, передает его, а принимают удар вместе и щит и тот, кто носит его» (Arist. De An. 423b15; пер. П.С. Попова).

³ Woodruff (2011). P. IX.

⁴ Weil (2005).

которой по вине Одиссея оказывается лишен Аякс. Героический путь Аякса, таким образом, оказался помещенным между двумя щитами: один щит (щит Аякса) сохранил ему жизнь в Троянском походе, а второй (щит Ахиллеса) привел к самоубийству.

Щит Аякса как основа физической защиты тела героя и его окружения. Прежде чем продолжить говорить о соперничестве за щит Ахиллеса, более подробно рассмотрим щиты Аякса и Одиссея, которыми они пользуются в Троянском походе и вне его. Аякс в «Илиаде» отличается от других воинов как собственными размерами, так и размером своего щита. Характер указаний на него (Ном. II. VIII.266–334, XI.543–73 и др.) и подробное описание, где щит определен как «башня»¹ («σάκος εὔτε πύργον») и представлен как состоящий из семи² слоев бычьих шкур (Ном. II. VII.219–23), позволяют говорить об особом типе связи щита и его носителя³. Знаменитый щит Ахиллеса определен как пятислойный (Ном. II. XVIII.481), а щит Одиссея назван четырехслойным (Ном. Od. XXII.122), что напоминает нам о щите Тевкра, который также имел четыре слоя бычьей кожи (Ном. II. XV.479). Указанные особенности щитов можно рассматривать с точки зрения «материализации» их связь с носителем: не каждый способен нести щит Аякса, потому что щит «расширяет естественные пределы биологической агентности Аякса, превращая его в более свирепую, сильную, непроницаемую версию самого себя»⁴. Это расширение столь сильно, что неизбежно возникает вопрос: что может Аякс без своего щита?

Исключительная физическая сила (Ном. II. III.227), смелость и воинское искусство обусловили то, что Аякс не только не погиб во время Троянского похода, но даже ни разу не был ранен. И суще-

¹ Примечательно и то, что в «Илиаде» есть эпизод, где Аякс закрывает Одиссея своим щитом, и форма щита снова определена через слово «башня» (Ном. II. XI.485). Еще раз такое же определение и снова по отношению к щиту Аякса встречается в семнадцатой книге (Ном. II. XVII.219).

² Восьмым слоем является слой бронзы.

³ То, что семислойный щит Аякса отличает его от других, постоянно подчеркивается, когда его спор с Одиссеем представляется в текстах разных жанров. Так, в «Метаморфозах» Овидия первое, что бросается в глаза судьям, — это Аякс как воин, носящий семислойный щит (Ov. Met. XIII.2).

⁴ Mueller (2015). P. 134, 135.

ственную роль в этом играло не столько владение смертельными ударами (Ном. II. XII.384), сколько наличие массивного щита. Обтянутый кожей животного, щит гомеровского героя выполнял функцию человеческой кожи, работая «как барьер, граница, покров, защищающий тело от внешних воздействий»¹. Дальше я буду использовать словосочетание «контактная поверхность», которое позволяет подчеркнуть то, что щит одновременно непроницаем и проницаем для внешних воздействий: он призван предотвращать ненужные контакты тела с внешним миром, но полностью не отделяет героя от него и является частью внутреннего мира героя. В этом я следую за Ж.-П. Вернаном, который говорит о поверхности контакта с самим собой и другими². Щит героя выступает не столько как «вторая кожа», сколько как «внешнее тело»³ — более сложное и объемное образование, которое позволяет говорить как о деликатном взаимодействии «внутреннего» и «внешнего», так и о грубом вторжении «внешнего» во «внутреннее».

Н. Бершадски обращает внимание на то, что в «Илиаде» существует сложная концептуальная схема обозначения щитов воинов: «...когда мы анализируем контекст девяноста трех случаев появления *aspis* и шестидесяти семи случаев *sakos* в “Илиаде”, то выявляется примечательная, ранее не замеченная закономерность: воин никогда не погибает, если его щит называется *sakos*»⁴. Н. Бершадски, объясняя эту закономерность, приходит к выводу, что она не является результатом «физического качества *sakos*, его прочности»⁵. Это позволяет говорить о неоднозначной материальности мира гомеровского героя, где прочность щита имеет какую-то зависимость от «прочности» героя, которая не является постоянной величиной. Здесь можно говорить об удаче на поле боя или боже-

¹ Gavrylenko (2012). P. 490.

² Vernant (1989). P. 11.

³ Purves (2015). P. 83. Вопрос о том, насколько концепция состоящего из частей тела (фрагментированного тела), которое есть у гомеровского героя, переходит в концепцию единого тела, обсуждался в следующих работах: Snell (1982); Bolens (1999). P. 149–157.

⁴ Bershadsky (2010). P. 3.

⁵ Ibid. P. 4.

ственной поддержке¹, но я хочу продолжить обсуждение темы воина и его оружия именно в материальных границах. Не менее любопытной является и другая закономерность, на которую указала Н. Бершадски: щит Ахиллеса семнадцать раз назван *σάκος* и один раз *ἀσπίς* (когда Фетида просит Гефеста изготовить для сына щит, *Ном. II. XVIII. 457–58*), а щит Аякса всегда назван словом *σάκος* (двадцать два раза)².

Подчеркнем важный для нашего исследования тезис, вытекающий из этого подробного анализа: слово *σάκος* преимущественно (помним про одно исключение для щита Ахиллеса) используется для описания щитов Ахиллеса и Аякса, что позволяет говорить о том, что Аякс, а не Одиссей ближе к Ахиллесу, если мы сравниваем их как носителей щитов. Дополнительные аргументы в пользу моего тезиса появляются при сопоставлении эпизодов, где герои используют свой щит на поле боя³. Щит Аякса вселяет страх в троянцев и заставляет трепетать Гектора (*Ном. II. VII. 215–16*). Чтобы вернуть себе боевой настрой, Гектор начинает хвастаться своим умением владеть щитом перед поединком с Аяксом: «Щит мой умею направо, умею налево метать я, — / Жесткую тяжесть, — и с нею могу неусталый сражаться» (*Ном. II. VII. 238–239*; пер. Н. Гнедича). На протяжении всего боя щит Гектора проигрывает щиту Аякса и выглядит как менее защищающий своего владельца. Сначала Гектору не удается пробить щит Аякса, в то время как Аякс

¹ Здесь стоит отметить, что не только у Гомера, но и у других античных авторов Аякс никогда не получал божественную поддержку в бою, и в том, что касалось защиты от врага, ему оставалось надеяться только на свой щит.

² Bershadsky (2010). P. 1.

³ В этом отношении интересна поэма Квинта Смирнского «После Гомера», в первую книгу которой включен сюжет, где Ахиллес бьется рядом с Аяксом против царицы амазонок. Бой описан так, чтобы герои предстали равными в силе. Так, первое копье царица амазонок кидает в Ахиллеса, и оно раскалывается на части, попав в его щит (*Q.Smyrn. I. 547–50*), а второе — в Аякса (*Q.Smyrn. I. 563–64*). Второе копье также не ранит героя, и автор поэмы объясняет, что дело не в щите, а в том, что ни одному врагу не суждено поразить Аякса силой оружия (*Q.Smyrn. I. 566–67*). Пятая книга поэмы посвящена спору Аякса и Одиссея за доспехи Ахиллеса, поэтому в более ранних книгах автор хочет подготовить читателя к тому, что он будет на стороне Аякса.

ранит Гектора в шею¹, потому что пробил его щит. Раненый Гектор не прекращает боя и ударяет в щит Аякса камнем, тот поступает также и разбивает щит Гектора. Гектор падает под тяжестью своего щита и только благодаря помощи Аполлона ему удается встать. Итог боя контрастирует с его началом: без божественной помощи Гектор, гордо рассуждавший об умении владеть своим щитом, рисковал остаться лежать под ним как мертвое тело². Аякс вместе со своим щитом уподобляется монолитной каменной глыбе, которую нельзя пробить камнем. Вероятно это столкновение живого (Аякса и его щита) и мертвого камня (брошенного Гектором) и найдет отражение в шестнадцатой книге в описании Аякса как каменного монолита — единого целого со своим щитом (Ном. II. XVI. 102–11).

Накануне второго столкновения Аякса и Гектора последний снова позволяет себе хвастовство: он утверждает, что итогом боя обязательно станет то, что тело Аякса будет повреждено (Ном. II. XIII. 830), то есть щит его не защитит. В четырнадцатой книге бой между Аяксом и Гектором происходит таким образом: Гектор бросил копье в Аякса и попал в перевязи его щита и меча (Ном. II. XIV. 402–6); Аякс в ответ ударил выше края щита Гектора, и тот снова упал под тяжестью своего щита (Ном. II. XIV. 412–20). В этот раз бой завершается не ничьей, а победой Аякса. В отступающего Гектора Аякс бросил камень, который пролетел над краем щита и попал в шею, заставив Гектора крутиться от боли волчком. Здесь мы видим, что столкновение держащего щит Гектора с камнем совершенно иное, чем аналогичное столкновение держащего щит Аякса. Кажется, что не только гомеровский Аякс никогда не отделяет себя от своего щита,

¹ Не сопоставляя в деталях бой Аякса и Гектора и бой Ахиллеса и Гектора, отмечу лишь то, что Аякс ранит Гектора шею в седьмой книге, а в двадцать второй книге Ахиллес наносит Гектору в шею смертельный удар (Ном. II. XX. 324). Эти два боя выглядят как две части истории о Гекторе как носителе своего или чужого щита (щита Ахиллеса).

² В двадцатой книге столкновение щита и камня произойдет во время боя Ахиллеса и Энея (Ном. II. XX. 259–329). Эней, как и Гектор, не смог пробить щит врага, поэтому поднял большой камень, что подразумевает понятное развитие событий: без божественной помощи Посейдона Энею не удалось бы остаться в живых.

но и никто не может отделить их друг от друга: не то что меч или копье, даже камень не может нарушить единство Аякса и его щита.

Современные исследователи обращают внимание на то, что поединки Аякса и Гектора описаны не столько как поединки воинов, сколько как поединки щитов, что смещает баланс с «человеческого» на «вещественное». С. Вейль, обращаясь к материальности гомеровского человека, подчеркивает его способности превращаться под натиском силы в нечто иное, что она называет «вещью», «инертной материей», «камнем» и «ничем»¹. Очевидно, что для нее это понятия одного порядка. Однако в ранних схолиях к «Илиаде» (D scholia) «сравнение Аякса с камнем не подчиняет его и не превращает в “простой” или “инертный” объект», позволяя подчеркнуть проницаемость границы между человеческим и нечеловеческим в раннем греческом эпосе и наличие у вещей «собственной формы жизни, собственной энергии, жизненной силы и даже креативности»². Таким образом, знаменитая сцена, где Аякс уподобляется монолитной каменной глыбе, не может быть однозначно определена как противоречащая «идее подвижности» человеческого тела, которая имеет исключительную важность у Гомера³.

Еще раз подчеркну, что в гомеровском мире в целом речь идет о сложном единстве (вплоть до невозможности физического разделения) Аякса и его щита, которой лишены Ахиллес в «Илиаде», когда его доспехи оказываются не на нем, и Одиссей, щит которого в «Одиссее» отказывается помогать ему. Замерзающие в засаде воины спят, укрывшись плащами и щитами (Hom. *Od.* XIV. 479), и только Одиссей замерзал без плаща со своим щитом (Hom. *Od.* 482). Этот эпизод, как мне кажется, как нельзя лучше подчеркивает то, что щит Одиссея — это вполне традиционная «контактная поверхность», предполагающая единство с воином в рамках классических возможностей материального мира⁴. Таким образом, с одной

¹ Weil (2005). P. 3, 5, 7, 26 и др.

² Purves (2015). P. 75.

³ См.: Bolens (2001). P. 107–128.

⁴ В «Одиссее» главный герой проходит сложный путь изменения себя, что отражается в том числе в описании его как носителя щита: в первой книге Афина говорит о нем как о вооруженном двумя копьями и щитом, который назван ἄσπις (Hom. *Od.* I. 256), а в битве с женихами Одиссей держит два

стороны, Аякс стоит в одном ряду с другими гомеровскими героями, материальность мира которых также связана с защищенностью их тела щитами. С другой стороны, Аякс и его щит представляют собой исключительный феномен, позволяющий оценивать защищенность тела щитом с точки зрения способности героя управлять им как некой особой «контактной поверхностью».

Щит Аякса оказывается настолько прочен, что всегда защищает своего владельца. Н. Бершадски подчеркивает отсутствие связи между тем, кто наносит первый удар по щиту, и тем, кто в итоге победит в бою: Гектор всегда атаковал Аякса первым, но результаты боев трудно сопоставлять из-за оказанной Гектору божественной поддержки. Обращу внимание на еще один важный момент, касающийся щита Аякса и связанный с победой или проигрышем в столкновении с ним. Поединок Диомеда и Аякса на погребальных играх Патрокла (Ном. II. XXIII. 818–25) заканчивается поражением Аякса, несмотря на то, что он использует свой знаменитый щит. Диомед побеждает потому, что выбрал уникальную тактику. Он не бил в щит Аякса, как это всегда делали все противники Аякса, а пытался нанести удар поверх щита. Удар в щит Аякса не всегда ведет к поражению, но отсутствие этого удара может привести к победе. Этот эпизод позволяет говорить о том, что щит Аякса можно рассматривать не только как основу защиты тела героя, но и как средство влияния на души других героев, о чем пойдет речь ниже.

Щит Аякса как основа ментальной защиты его самого и окружающих. Пробить щит Аякса оказывается непосильной задачей, чего нельзя сказать о щите Одиссея. Бой Сока и Одиссея заканчивается непростой победой последнего: копьё врага проходит через щит Одиссея, названный *ἀσπίς*, и только вмешательство Афины не позволяет удару задеть жизненно важные органы (Ном. II. XI. 434–7). Одиссей убивает Сока, но щит не защитил его от ранения. Ранее щит

копья и свой щит, который назван *σάκος* (Ном. Od. XXII. 122). Сравнивая Одиссея из «Илиады» и «Одиссеи» как носителя щита мы должны помнить о важной поправке: в «Илиаде» щит был необходим, чтобы защитить тело героя в условиях войны, а в «Одиссее» — в относительно мирное время, когда тело героя страдало во многом из-за душевных волнений. В «Одиссее» чаще, чем в «Илиаде», на карту была поставлена жизнь Одиссея, однако щит героя не был основой основ защиты тела этого героя.

Одиссея был назван *σάκος* и определен как пестрый, что позволяет с осторожностью говорить о художественной ценности этого щита: «Щит свой узорный за плечи закинул...» (Ном. II. X. 149).

Непробиваемость как характеристика щита снова возвращает нас к многомерности сопоставления щитов Аякса и Ахиллеса: щит Ахиллеса, как и щит Аякса, никто не может пробить¹. Главная функция щита — защита, однако помимо прочности значение имеет и украшенность щита, и здесь щит Аякса уступает щиту Ахиллеса. Г. Чейс обращает внимание на то, что описания декора щитов в «Илиаде» отражают два принципа украшения микенских щитов²: «один принцип украшения ради украшения <...> второй — украшение страшными фигурами, призванное испугать врага»³. Первый принцип украшения реализуется, когда речь идет о декоре щита Ахиллеса (Ном. II. XVIII. 478–608), а второй — когда говорится о декоре щита Агамемнона (Ном. II. XI. 32–7). На щите Ахиллеса изображены сцены, позволяющие задуматься о войне и мире и, вероятно, о том, что жизнь воина — это вечное сопряжение этих полюсов. Описание того, как Гефест создавал и украшал щит Ахиллеса, занимает существенный по объему фрагмент в восемнадцатой песне «Илиады» (Ном. II. XVIII. 478–608). На щите Агамемнона изображена Горгона, от взгляда которой враги должны были впадать в ужас и обращаться в бегство. Щиты Ахиллеса и Агамемнона у Гомера объединяют две характеристики: прочность (= способность щита защитить носителя, не дав врагу возможности добраться оружием до тела) и красота (= способность щита защитить носителя, не дав врагу вообще подойти к этому телу с оружием). Относительно украшения щита Аякса Гомер ничего не сообщает: рассмотренные выше указания на щит Аякса и даже его подробное описание (Ном. II. VII. 219–23) не дают представлений о том, украшен ли он. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, декорированные щиты Ахиллеса и Агамемнона, а с другой — щиты Аякса и Одиссея (фрагмент Ном. II. X. 149 не дает нам понимания), о декоре которых мы ничего не можем узнать из «Илиады».

¹ См. об этом: Bershadsky (2010). P. 9.

² Более подробно о щите Ахиллеса, микенских устрашающих щитах и их реконструкциях см.: Paipetis (2010). P. 135–146.

³ Chase (1902). P. 65.

В трагедии «Семеро против Фив» Эсхил превратил описание декора щитов в системообразующий элемент сюжета¹, не включив в трагедию описание щита Ахиллеса, как это сделал Еврипид в «Электре»². Описывая тот или иной щит, Эсхил отходит от существующей практики декорирования щитов, добавив к распространенным элементам новые, отвечающие его художественному замыслу (за что, как считает Г. Чейс, и получил едкий комментарий в «Лягушках» Аристофана, *Ar. Ran.* 928f³). В целом у трагиков, как и у Гомера, мы также находим указания на прочность щита Аякса (к анализу этих фрагментов мы обратимся далее), но не находим указаний на то, украшен ли его щит.

В «Метаморфозах» Овидия спор Аякса и Одиссея принимает интересный разворот, когда речь заходит о декоре щитов. Одиссей сначала говорит о масштабности и исключительной красоте щита Ахиллеса, а затем обвиняет Аякса в том, что тот не способен понять изображенного на этом щите. Для Одиссея это означает невозможность Аякса заявлять о своих притязаниях на этот щит:

Чтобы подарок небес, творенье такого искусства
Грубый вояка надел, чье сердце не чувствует вовсе?
Изображенья щита, он и те разобрать не сумел бы,
Где Океан и Земля, где с небом высоким созвездья,
Сонмы Плеяд и Гиад, и Аркт, отрешенный от моря,
Разные неба круги и сияющий меч Ориона.

(*Ov. Met.* 289–294; пер. С. Шервинского)

Аякс также подчеркивает особенности декора щита Ахиллеса, «на котором резьбой дан образ широкого мира» (*Ov. Met.* XIII. 110; пер. С. Шервинского), но выбирает иные аргументы, чтобы сказать, что такой щит не должен носить Одиссей. Аякс поясняет, что его щит сохранился и он многократно пробит врагами, а Одиссей часто действовал без оружия (*Ov. Met.* XIII. 103; 118–19). Одиссей говорит о том, что щит, изображающий весь мир, может носить только умный, а Аякс — о том, этот мир способен носить только смелый че-

¹ См. об этом: Pichugina (2020). P. 121–170.

² У Еврипида декор щит Ахиллеса назван одновременно красивым и устрашающим (*Eur. El.* 452–475).

³ Chase (1902). P. 69.

ловек. У Овидия Аякс отстаивает приоритет физической силы, представляя свою позицию в «страстной и агрессивной манере», что контрастирует с «контролируемыми и структурированными аргументам» Одиссея, который отдает предпочтение «стратегическому планированию»¹.

У Антисфена несколько иной взгляд на действующего без оружия Одиссея и притязания Аякса на щит Ахиллеса. Позиция Антисфена такова: Аякс не умеет сражаться, потому что останавливается на традиционном оружии, тогда как Одиссей пользуется всевозможными приспособлениями как в боях, так и в речах. Щит Ахиллеса, согласно Антисфену, должен принадлежать Одиссею, потому что только он может действовать так, как требуют обстоятельства (Nometica, Фр. 56–57), превращая в оружие все, что может причинить вред противнику.

Помимо физической способности, есть еще интеллектуальная возможность обладать доспехами Ахиллеса, что обозначает Антисфен, а вслед за ним Овидий. Возможность такого рассмотрения спора Аякса и Одиссея содержится у Гомера, где Одиссей чаще проявляет себя как нападающий (не только в столкновениях с врагами, но и, например, в эпизоде, где он опережает Феникса и обращается с речью к Ахиллесу), а Аякс — как защитник (убивает напавшего на него Гектора, заботится о телах убитых Патрокла и Ахиллеса и др.), которого выделяет среди других особый щит. Поэтому в текстах разных авторов спор Аякса и Одиссея за щит Ахиллеса рассматривается через призму «защитник — нападающий» с поправкой на то, что речь идет о речевых схватках, где Одиссей побеждает малоопытного в этом Аякса. В таком типе рассмотрения можно увидеть интересную закономерность: когда акцент с прочности щита Аякса смещается на его декор, главным для щита и его носителя становится не способность защитить, а способность наставить себя и других.

Таким образом, благодаря Гомеру к щиту Аякса (хотя и не декорированному, как щиты Ахиллеса и Агамемнона) привлечено особое внимание. Хотя щит Аякса сделан и не Гефестом, его создание также было творческим актом великого мастера Тихия (Hom. II.

¹ Hinz (1990). P. VI, V.

VII. 222). В недавнем исследовании было экспериментально доказано то, что именно семь слоев щита Аякса обеспечивают оптимальную защиту тела воина: Тихий оказался равным Гепесту и был прекрасно «осведомлен о динамическом механическом поведении многослойных композитных структур»¹. Аякс намного ближе к Ахиллесу, если мы говорим о них как носителях щита: щиты обоих надежно защищают своих хозяев², выделяют их среди соратников, являясь уникальными творениями мастеров (бога или человека), и выступают основой не только телесной, но и ментальной защиты для героя и его окружения. Возможность последнего утверждения может быть подкреплена позицией Г. Надя, который подчеркнул то, что слово *обκος*, которое всегда используется для описания щита Аякса и почти всегда — для описания щита Ахиллеса, кроме того обозначает «тело» в значении «человека, самости, самого себя»³.

***Аякс — защитник для всех, кроме себя:
герой без щита и щит без героя***

Ответ на вопрос о том, сохраняется ли в трагическом мире то самое удивительное единство Аякса и его щита, дает трагедия Софокла «Аякс», которая, вероятно, была поставлена между 450 и 440 гг. до н. э. В основе трагедии — обсуждение причин и последствий спора Аякса и Одиссея за доспехи Ахиллеса. Сюжет трагедии охватывает достаточно короткий период времени: между получением Одиссеем щита Ахиллеса и самоубийством Аякса проходит всего несколько дней. С первых строк Аякс предстает как один из тех героев трагедий Софокла, «чьи отклоняющиеся пути одновременно вызывают восхищение и вопросы»⁴. Восхищение и вопросы вызывает и драматическое смещение акцентов: перед нами не Аякс как герой-щит и защитник греков, а Аякс, который чаще действует без щита и оказывается не в состоянии защитить самого себя.

¹ Это исследование доказывает, что материальность мира героя может быть не только выведена, но и проверена на основе высказываний героев Гомера. Paipetis (2010). P. 156.

² В крайней точке интерпретации это позволяет говорить о том, что тело Аякса может рассматриваться как неуязвимое тело, которое имеет Ахиллес.

³ Nagy (1990). P. 264.

⁴ Esposito (2010). P. 189.

Вслед за Гомером Софокл, как и другие драматурги, указывая на особенности щита героя, использовал как слово *σάκος*, так и слово *ἄσλις*. Однако слово *σάκος* употребляется в трагедиях все реже: у Эсхила 9 употреблений *σάκος* и 23 употребления *ἄσλις*, у Софокла — 2 употребления *σάκος* и 5 употреблений *ἄσλις*, а у Еврипида — 4 употребления *σάκος* и 52 употребления *ἄσλις*¹. По мнению Н. Бершадски, функциональное различие между *σάκος* и *ἄσλις* практически не сохраняется, однако у Эсхила и Софокла характеристикой щита, названного *σάκος*, продолжает оставаться «неразрушимость»². Соглашаясь с этим утверждением, далее я постараюсь доказать, что Софокл использует слова *σάκος* и *ἄσλις* для того, чтобы обсудить не столько защитную, сколько наставительную функцию щита Аякса.

Аякс нападающий: исчезновение щита и появление моряков. В начале трагедии Афина говорит Одиссею, что ему нужно следить за тем, что будет происходить с Аяксом, чтобы многому научиться (Soph. Aj. 12–13). Это вынужденное ученичество может быть рассмотрено с точки зрения столкновения конфликтующих систем воинских ценностей: традиционной, представителем которой является неповоротливый³ Аякс со своим знаменитым щитом, и новой, олицетворять которую приходится быстрому лучнику Одиссею. Для того чтобы сохраниться в новом мире, Аяксу нужно отказаться от щита — как от своего, так и от чужого, то есть от притязаний на щит Ахиллеса. Одиссей и Аякс, таким образом, предстают как удобный и неудобный герои драматического мира: один готов научиться у богини принимать новые обязательства и выполнять новые требования, а другой нет. Это единственная сохранившаяся трагедия Софокла, где героем является Афина, которая, как и у Гомера, является наставницей и защитницей Одиссея, помогая ему поставить точку в споре с Аяксом за щит Ахиллеса. Аяксу у Софокла предстоит в очередной раз пожалеть о том, что у его противника Одиссея столь сильная покровительница⁴. Разрушение внутреннего

¹ Bershadsky (2010). P. 22.

² Ibid.

³ Которого, однако, однажды назвали быстрым (Hom. II. XI. 175).

⁴ В «Илиаде», когда Одиссей побеждает Аякса в беге, последний

мира Аякса контрастирует с нерушимостью его знаменитого щита, из чего Афина и предлагает Одиссею извлечь уроки¹.

Одиссей с благодарностью говорит богине, что рад видеть ее своей наставницей, слушаясь ее голоса как звука трубы (Soph. *Aj.* 14–17). Одиссей, а не Аякс будет образцовым героем: «Неповиновение звуку трубы подразумевает войну, подобную *hybris*, из которой следует ниспровержение военного порядка»². Однако с утверждения о том, что Аякс демонстрирует нежелание / неспособность изменяться / приобщаться к новой системе воинских ценностей, как это делает Одиссей под влиянием Афины-наставницы³, следует снять излишнюю категоричность. Вспомним, что нападение Аякса на скот происходит ночью (Soph. *Aj.* 21–2) и является результатом хитрого плана, то есть Аякс действует так, как мог бы поступить Одиссей. Аякс желает / способен меняться / приобщаться к новой системе воинских ценностей, однако ему не предоставляется такой возможности. Божественная поддержка будет дана Одиссею, а не Аяксу, которому лишь остается демонстрировать отказ от помощи Афины. Вестник вспоминает, что прощальное наставление Теламона, где он желает сыну побеждать при поддержке богов, было отвергнуто Аяксом, который сказал, что не хочет быть тем никчемным, чья победа получена благодаря богам (Soph. *Aj.* 764–77). Это не просто очередной намек на Одиссея, но и противопоставление Аякса Ахиллесе, который не был лишен божественной поддержки. Аякс, таким образом, не является «справедливо наказанным грешником»⁴, потому что гомеровский кодекс воина разрешает защищать свою честь с оружием в руках⁵ и быть уверенным в своей доблести.

называет Афины богиней, которая «словно мать» стоит рядом с Одиссеем и «помогает ему» (Ном. II. XXIII. 783).

¹ Текмесса и хор назовут смерть Аякса итогом его спора с Одиссеем за доспехи Ахиллеса, подчеркивая, что Афина в очередной раз приносит своему любимцу Одиссею победу.

² Gasti (1992). P. 85.

³ См.: Morosi (2024). P. 57 и далее.

⁴ Wigodsky (1962). P. 152.

⁵ Вопросы о том, что такое благородный поступок и кого можно считать благородным, могут быть названы одними из главных вопросов трагедии, см.: Zanker (1992).

Мир гомеровского воина был конкурентным, где он стремился превзойти других в доблести и (или) выделиться на их фоне благодаря необычному оружию¹. Однако этот мир все же был миром не только индивидуальных, но и коллективных добродетелей², где материальное и ментальное оказывалось в сложном взаимодействии. Это правило позволяет понять мотивы не только эпического, но и трагического Аякса. Если мы признаем, что жизнь Аякса после смерти Ахиллеса оказывается подчинена желанию «не признавать никаких ограничений и в полной мере посвятить себя конкурентной системе ценностей», то речь идет о *hybris* воина³. Если же жизнь Аякса после смерти Ахиллеса — это демонстративное несогласие с тем, что конкурентная борьба ведется без учета таких добродетелей, как «дружба» и «чувство честной игры»⁴, то индивидуальное уступает место коллективному.

В начале трагедии Аякс у Софокла выступает в несвойственной ему роли нападающего, но дань Аяксу как защитнику отдана, когда Афина называет его «Аякс-щитоносец» (*Soph. Aj.* 19). Благодаря Гомеру мы помним, что Аякс и его щит похожи на каменную глыбу, а благодаря Софоклу вынуждены признать, что тело Аякса все же не из камня. В трагедии Софокла Аякс являет максимальную телесную уязвимость, не защищаясь даже тогда, когда это можно сделать, оспорив слова и дела других героев. Таким образом, Софокл инициирует своеобразный спор с Гомером о материальности героического мира героя, ставя многомерный вопрос: что произойдет с Аяксом, если у него не будет того единства со щитом, которое было в «Илиаде»? Трагический Аякс не может смириться с тем, что щит Ахиллеса принадлежит Одиссею, а его собственный щит больше не выделяет его среди других. Если главный герой трагедии Софокла и похож на каменную глыбу, то эта глыба рассыпается на глазах других героев под действием внутренних и внешних сил. Нелучайно соратники Аякса, узнав о его деяниях в безумии, называют Тевкра братом безумца и угрожают забросать его камнями (*Soph. Aj.* 728).

¹ См. об этом: Gasti (1992). P. 81; Mueller (2015). P. 134.

² См. об этом: Zanker (1992). P. 20.

³ Gasti (1992). P. 81 и далее.

⁴ Zanker (1992). P. 20.

Благодаря знаменитой сцене, где Аякс держит щит (Ном. II. XVI. 102–11), мы «осознаем физическую цену Аякса за сохранение своей твердой позиции»¹; благодаря трагедии Софокла мы осознаем цену, измеренную в душевных силах, которую герой платит за невозможность больше оставаться в этой позиции без щита Ахиллеса. Аякс у Софокла оказывается в ситуации, когда приоритет отдается слову, а не делу, поэтому все еще держит свой знаменитый щит, но не по необходимости, а по привычке. Щит нужен ему не для того, чтобы защититься, а для того, чтобы перед смертью наставить и тех, кто ему дорог, и тех, кто его обидел.

Когда хор пытается поддержать Аякса, он употребляет слово башня (πίρυος) (Soph. Aj. 159), которое у Гомера использовалось для описания щита Аякса (Ном. II. VII. 219) и образно дано в русском переводе. Хор говорит о внутренней силе Аякса и советует держать удар, закрываясь от внешнего мира и помня, что он великий:

Все в великую душу без промаха бьют!
Нет, когда б обо мне стали так говорить,
То никто не поверил бы вздорным словам, —
Ибо зависть от века за сильным ползет.
Мелкий люд без поддержки могучих людей —
Для стены крепостной ненадежный оплот.

(Soph. Aj. 154–9; пер. С. Шервинского)

Защитные функции щита Аякса, которые зафиксированы у Гомера, у Софокла существенно уменьшились, и он стал лишь маркером, позволяющим легко узнать героя и соотнести его дела в настоящем с былыми победами. Лишенный щита Ахиллеса, Аякс становится настолько уязвимым, что его смерть оказывается закономерным итогом незащищенности не только его тела, но и души. Аякс Софокла так остро воспринимает то, что щит Ахиллеса ему не принадлежит, что сам помещает себя в пространстве между жизнью и смертью, где его уже не может защитить его знаменитый семи-слойный щит. Софокл сохраняет главную максиму гомеровского мира: герой становится телом без кожи, когда его лишили щита²;

¹ Mueller (2015). P. 140.

² Грегори Надь предлагает обсуждать сцены, где тело оказывается не защищенным щитом и поврежденным, через метафору «приравнивания своей личности к своей “шкуре”» (Nagy [1990]. P. 264).

и этим щитом в трагедии является не щит Аякса, а щит Ахиллеса. Трагедия Софокла вынуждает переосмыслить моменты, когда жизни героя угрожает опасность, и с особым вниманием рассмотреть те, где эта опасность возникает не по вине других, а по собственной вине. Выдвину предположение, что в трагедии возникает феномен двух щитов: реального щита, который не может защитить его тело, потому что никогда не был приспособлен для защиты героя от самоубийства, и ментального щита, который не может защитить его душу и предотвратить самоубийство. О необходимости ментального щита и говорит хор в рассмотренном выше фрагменте.

Гомеровский Аякс также был героем, который не только использовал реальный щит, чтобы защититься от ударов врага, но и умел создавать ментальный щит, чтобы защититься от ранящих слов. Даже Гектор указывает на то, что Аякс гармонично сочетает силу слова и силу оружия: «Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум / Бог даровал» (Ном. II. VII. 288–9). Триумфом силы слова Аякса является эпизод с посольством к Ахиллесу. В посольство были включены Аякс, Одиссей и Феникс, который был назначен главным, но только речь Аякса достигла цели. Аякс своеобразно начинает речь, обращаясь не к Ахиллесу, а к Одиссею и Фениксу со словами, что нужно возвращаться: ахейцы ждут, нужно объявить им об отказе Ахиллеса. Здесь Аякс действует одновременно как защитник греков и наставник Ахиллеса, укоряя его в бездействии, которое ставит под угрозу жизни соратников (Ном. II. IX. 626–8). Далее он дает Ахиллесу не назидание, а дружескую поддержку, за что тот его благодарит, высоко оценивая идущую от сердца речь Аякса.

С подобными речами Аякс неоднократно обращался к соратникам в «Илиаде», наставляя и поддерживая их в трудные моменты¹. На это обращает внимание Софокл, когда, играя на известной связи Одиссея с морем, превращает Аякса в предводителя-наставника моряков. Так, Текмесса приветствует хор словами: «Корабельщики, люди Аякса-царя...» (Soph. *Aj.* 201; пер. С. Шервинского), а Аякс называет моряков щитоносцами (производное от

¹ Квинт Смирнский включает в поэму «После Гомера» речь Аякса, которая звучит как наставление-проклятие для соратников: раз награду получил не доблестный, а ничтожный, то всех — и особенно Одиссея — ждут страдания (Q. *Smugn.* V. 465–481).

ἀστῆς, Soph. *Aj.* 565). Возможность такой аргументации возникла из-за пограничного положения Аякса Софокла: это герой, помещенный между сушей и морем. Действие трагедии происходит перед палаткой Аякса под Троей, но герой оказывается прочно привязан к Саламину («О Аякс Теламонид, ты крепко стоишь / На земле Саламина морского, средь волн!» Soph. *Aj.* 134–5; пер. С. Шервинского). У Софокла трагедию Аякса наблюдают не только соратники, но и хор, состав которого также подчеркивает пограничное положение Аякса. Хор у Софокла состоит не только из гребцов кораблей, привезших Аякса в Трою, но из гоплитов, служащих под его началом. Это драматическое новаторство Софокла шло в разрез с афинской гражданской практикой, где имела место тенденция изображать идеального гражданина как гоплита¹.

Расположение палатки Аякса на отдалении², а не в греческом лагере может интерпретироваться как демонстрация гнева и обиды, которые некогда были присущи удалившемуся от соратников Ахиллесу. Эта аналогия позволяет говорить об Аяксе как сильном лидере (а не аутсайдере), который может пренебречь ответственностью перед другими и осознанно пойти на то, что круг близких ему людей существенно сузится. Находящаяся на отдалении палатка Аякса может быть метафорично представлена как корабль, который вот-вот постигнет кораблекрушение (и тем сильнее это контрастирует с пережившим кораблекрушение Одиссеем).

Р. Скодел, указывая на то, что именно моряки, а не воины преданы Аяксу, говорит о контрасте с идущей от Гомера традицией изображения Аякса как «протогоплита» с огромным щитом³. По ее мнению, это необходимо Софоклу, чтобы представить особое видение города, где «репрезентативной группой становятся моряки, а не гоплиты»⁴. В трагедии, таким образом, поднимается вопрос о действиях лидера и тех, кто за ним следует⁵: похожий на демократиче-

¹ Пичугина (2023). По другой интерпретации можно рассматривать Акса-моряка как триумф афинской идентичности (Mueller [2015]. P. 140, 142).

² Обиженный на Одиссея трагический герой Филоктет также выбрал уединение, однако смог пройти сложный путь изменения себя и сохранить жизнь, что не суждено было Аяксу.

³ Scodel (2003). P. 33.

⁴ Ibid. P. 36.

⁵ В трагедии Еврипида «Гекуба» (пост. 424 г. до н.э.) главная героиня

ского лидера полиса Аякс и зависящие от него моряки, которые не хотят верить слухам о нем и действуют и руководствуются то страхом, то наивностью, то незнанием. Одна из возможных интерпретаций связана с тем, что Аякс Софокла — это некоторая версия Кимона — того, кого Плутарх описал как благородного и искреннего, но простодушного и не обладающего «даром изощренного аттического красноречия (Plut. Cim. 4). Кимон «мог олицетворять добродетели гоплитов, но его военное руководство против персов зависело от афинской военно-морской мощи и расширяло ее»¹. Акцент на сходстве Аякса и Кимона позволил Софоклу представить героя, который «не лишен красноречия, но резко отличается от Одиссея»².

Существующая у Софокла материальность мира Аякса как предводителя моряков восходит к «Илиаде», где объединение реального и ментального создавало особый тип прочности. Агамемнон, готовя корабль для возвращения Хрисеиды отцу, делает его предводителем Одиссея (Ном. II. I. 311). Обсуждая этот эпизод, Джонатан Л. Рэди указывает на сложную материальность миров Одиссея, Аякса и Ахиллеса: «Удерживая всех этих людей и животных, корабль приобретает солидность. Когда воины в минуту передышки от боя прислоняются к своим щитам (Ном. II. III.135), щиты приобретают прочность. Колесница материализуется, когда она везет принесенных в жертву ягнят, Приама и Антенора (Ном. II. III.310–2). Когда Аякс “ходил взад и вперед по палубам кораблей, быстро шагая” (II. XV.676), прочность палуб проявляется. Герои тоже могут придать предмету солидность, когда говорят о нем. Ахиллес говорит о скипетре, который он держит во время собрания в “Илиаде”, подчеркивая его первоначальное создание из дерева: “бронза лишила его листьев и коры” (Ном. II. I.237)»³.

произносит слова, которые позволяют понять особенности управления моряками, значимые для трагического мира: «А матросы, / Да без вождя, — ведь это пламя, хуже / Чем пламя» (Eur. *Hec.* 606-8; пер. И. Анненского). В «Метаморфозах» Овидия метафора корабля, примененная к способности управлять другими, присутствует в речи Одиссея, обличающего Аякса (Ov. *Met.* 365-369).

¹ Scodel (2003). P. 31.

² Ibid.

³ Ready (2023). P. 165.

Аякс, предстающий как предводитель моряков, позволяет Софоклу использовать щит для многоаспектного обсуждения воинской добродетели. После смерти Аякса Менелай и Тевкр затевают спор, который снова возвращает к теме объединения реального и ментального для тех, кто держит или не держит в руках щит¹:

Менелай: Вооружен ты луком, а спесив!

Тевкр: Я — лучник вольный, — не тружусь за мзду.

Менелай: А при щите ты вовсе бы зазнался!

Тевкр: Хоть ты и со щитом, с тобой я слажу!

(Soph. *Aj.* 1120–3; пер. С. Шервинского)

Этот спор может быть интерпретирован как попытка обсудить «новую боевую мораль гоплитов»², когда Аякс и Тевкр — это герои, принадлежащие к старой системе воинских ценностей, а Одиссей и Менелай — к новой. Менелай утверждает, что, будь Тевкр гоплитом со щитом, с ним было бы сложнее найти общий язык³, то есть ставит под вопрос принятие таким человеком, как Тевкр (за спиной которого незримо возникает Аякс с его старомодным щитом), системы ценностей гоплита, где индивидуальное должно быть подчинено общественному, то есть индивидуальный щит уже ничего не решает, решает множество действующих как один щитов. В данном контексте Аякс как предводитель моряков и выглядит как еще один герой, который не стремился найти общего языка ни с кем, когда дело касалось щита Ахиллеса. Аякс, как и Тевкр, хотел доказать всем, что у него есть право иметь «высокие мысли»⁴.

Обращу внимание на то, что щит Тевкра здесь назван ἄσλις (Soph. *Aj.* 1122), в то время как у Гомера четырехслойный щит Тевкра назван σάκος (Hom. *Il.* XV. 479). Щит Аякса, пока он жив, называется σάκος, а после его смерти — ἄσλις (Soph. *Aj.* 1408). Этот фрагмент будет обсуждаться ниже, здесь я лишь хочу подчеркнуть то, что использование слов σάκος и ἄσλις позволяет Софоклу и по-

¹ Согласимся с тем, что в трагическом мире переосмысливаются основы эпического мира, и «контраст между “активным” и “пассивным” оружием становится более резким» (Mueller [2015]. P. 136).

² Gasti (1992). P. 82.

³ Пичугина (2023). С. 198–214.

⁴ Zanker (1992). P. 24.

ставить вопрос об отделимости / неотделимости героя от его оружия при жизни и после смерти. Трагический герой Тевкр, с которым спорит Менелай, не связан со своим щитом так, как эпический герой Тевкр, который участвует в Троянском походе. В начале трагедии Аякс связан со своим щитом и так же, как и гомеровский Аякс, держит именно *σάκος* (Soph. *Aj.* 19). Однако, когда герой совершает самоубийство, щит уже не может рассматриваться в единстве со своим носителем, поэтому назван *ἄσλις*. Чередование слов в названии щита, таким образом, имеет исключительную важность для понимания разницы Аякса как эпического героя и Аякса как трагического героя, совершившего самоубийство. Столь важный для Софокла вопрос отделимости / неотделимости героя от его оружия при жизни и после смерти рассматривается — дальше будет рассматриваться — нами с опорой на то, что оружие героя объединяет защитную и наставительную функции.

Аякс гневающийся: «диалог» со щитом. Эпическая традиция сближает героя и оружие: оно призвано подчеркнуть его суперсилу, выделить среди других на поле боя и даже способно в некотором смысле вступать в «диалог» со своим носителем и окружающими¹. Для дальнейшего обсуждения этого «диалога» важно указать на общее правило: у Гомера нет говорящих предметов, но есть говорящие птицы и животные (Ном. *Il.* XIX. 408; Ном. *Od.* XIX. 545–50); предметы и животные в трагедиях не говорят. Однако у каждого правила есть исключения.

В «Илиаде» Ахиллесу принадлежит не только уникальный щит, но и копьё, которым никто не мог воспользоваться, а также конь Ксанф (Ном. *Il.* 19. 404–17), которого сама Гера наделила способностью говорить². В калмыцких версиях «Джангара» — более позднем эпосе, находящемся между русской былиной и калмыцкой сказкой, — у каждого героя-богатыря есть не только говорящий конь,

¹ Связь оружия и его носителя не исчезает даже после смерти героя и подчеркивается не только для эпического, но и для трагического героя. Мы видим это, например, в трагедии Еврипида «Гекуба», когда призрак Ахиллеса появляется в полном вооружении (Eur. *Hec.* 109–10; пер. И. Анненского).

² В краткой речи конь напоминает о похищении у Патрокла доспехов Ахиллеса (в том числе и знаменитого щита) и предсказывает хозяину скорую смерть.

имя которого связано с мастью, но и имеющее имя оружие: Джангар имел меч Билгин Шарбанг, Хонгор — меч Шаджин Шарбанг и плеть Хашил Тарни, Савар — секиру или бердыш Шавар Шюгин и т. д. Сопоставление героев разных эпосов и героев, которые существовали как в эпическом, так и в трагическом мире, требует множества оговорок и не является предметом этого исследования. Отмечу лишь, что эпические герои, став трагическими, превращаются в носителей более «человечного» оружия: материальность мира героя меняется и это, как я покажу далее, оказывается справедливым даже для Аякса — самого «материального» из гомеровских героев.

Так, в трагедии Софокла «Филоклет» главный герой максимально сближается со своим луком и даже обращается к нему (*Soph. Phil.* 1130). В трагедии Еврипида «Геракл» все заходит еще дальше, когда главный герой вспоминает свои преступные действия и дает им оценку так, как будто говорит со своим луком. Геракл представляет, что оружие упрекает его (*Eur. HF.* 1376–82), давая луку возможность высказаться (*Eur. HF.* 1380–1). Как подчеркивает Д. Камербик, указывающий на эти полторы строки прямого обращения лука к его носителю, не стоит забывать, что «на протяжении всей пьесы лук используется как символ арете Геракла: он постоянно ассоциируется с доблестными подвигами, но также является основным орудием при нападении на жену и детей»¹. Оружие героя всегда позволяет говорить о нем одновременно как о символе великих дел и великих преступлений. Здесь открывается целый пласт исследований о том, насколько трагики желали отразить особенности афинского права, где оружие имело ответственность за преступление, совершенное его носителем². Говорящее оружие Геракла являлось драматическим новаторством Еврипида, которое не имело аналогов. Софокл не дает оружию Филоклетта право голоса, но его оружие находилось в своеобразном контакте с носителем. Представляясь сыну Ахиллеса Неоптолему, Филоклет так говорит о себе: «Владелец я Гераклова оружия, / Я — Филоклет» (*Soph. Phil.* 267–8; пер. С. Шервинского). Аналогичный прием мы видим в трагедии

¹ Kamerbeek (1966). P. 6–7.

² См. цепочку рассуждений, которые отталкиваются от фрагмента Плутарха (*Plut. Per.* 36.5), где Перикл целый день спорил с Протагором о виновности копья в случайной смерти на играх: Kirkpatrick (2002). P. 31.

Софокла «Аякс», когда Афина говорит Одиссею об Аяксе, называя его «Аякс-щитоносец» (*Soph. Aj.* 19) как производное от *σάκος*. Для Софокла особую важность представляет собой герой как носитель того типа оружия, которое его прославило еще у Гомера.

Возвращаясь к луку Геракла и совершенным с его помощью убийствам, отмечу, что в трагедии «Аякс» Софокл снимает ответственность за преступление, совершенное его носителем, с оружия Аякса. Безумный Аякс не использует щит и меч, что позволяет Софоклу оригинальным образом поставить вопрос о характере божественной помощи герою. В «Илиаде» вместо божественной поддержки, которая предоставлялась Одиссею, Аякс получал от богов то, что способствовало не облегчению, а усложнению задуманного им: «Зевс же, высоко царящий, испуг ниспослал на Аякса. / Стал он в смущении, за спину щит семикожный закинул, / Вздрогнул...» (*Ном. II. XI. 544–6*; пер. В. Вересаева). Именно с такой ситуации, когда боги не помогают, а мешают Аяксу, и начинается трагедия Софокла «Аякс». Афина, как и у Гомера, выступает наставницей и защитницей Одиссея, насылая на Аякса безумие. Аякс был так сильно обижен на то, что щит Ахиллеса не передан ему, что задумал убить Одиссея и других греческих вождей. Однако благодаря Афине этого не произошло, и Аякс напал на скот, убив или связав животных, которые виделись ему врагами. Примечательно то, что в моменты божественного вмешательства Аякс действует без щита: так было с Зевсом у Гомера, это же повторяется с Афиной у Софокла. Кроме того, нападение на животных, которых он считал греческими вождями, Аякс совершает не с мечом, а с хлыстом¹ (*Soph. Aj.* 110, 242, 1254). Знаменитый семислойный щит Аякса (равно как и его меч) не могут разделить ответственность за безумные поступки Аякса, потому что он действует без них. Кажется, что Софокл не хочет, чтобы прославленный щит героя ассоциировался с этим «подвигом» (*Soph. Aj.* 61), о котором Афина со смехом рассказывает Одиссею.

Приведенные выше примеры (и особенно пример с Гераклом) являются исключениями из общего правила, и вопрос об «оживающем» (и даже «говорящем») оружии в трагедиях оказывается связан с вопросом исключительности владения им и, что особенно важно, — с Одиссеем. В случае с Гераклом речь идет о луке, который

¹ В переводе С. Шервинского оружие Аякса названо «бичом».

был оставлен Евритом в наследство сыну Ифиту и затем подарен им Одиссею (Ном. *Od.* XXI. 13–4; 32–3). Гомер и Софокл указывают на разные причины конфликта Геракла с Евритом и (или) его сыном Ифитом¹, но в обоих случаях Геракл представлен склонным к беззаконию героем, благодаря преступлениям которого Одиссей получает свой знаменитый лук. В случае с Филоктетом речь идет о луке Геракла, который Одиссей хочет хитростью переправить в Трою без его носителя или вместе с ним, чтобы Троянский поход завершился победой. Злодеяния Одиссея по отношению к Аяксу были связаны не с наступательным (луком), а с оборонительным оружием (щитом) и не столько с исключительностью, сколько с правомерностью / неправомерностью владения им. Таким образом, трагический Аякс (как гоплит или предводитель моряков) оказывается одновременно близок и далек от двух славных лучников: Филоктета и Геракла, которые были связаны с третьим лучником — Одиссеем.

Спор Аякса и Одиссея о подвигах Ахиллеса у Софокла помещен в пространство сложной материальности слов и дел, а самоубийство Аякса представлено как результат благородного гнева героической души. Аякса можно сравнивать не только с Гераклом и Филоктетом, но и с Ахиллесом, гнев которого затронул практически всех героев «Илиады». Обратимся к фрагменту из «Илиады», где Ахиллес описывает свой гнев одновременно как нечто абстрактное и вполне материальное: «Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит. / Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда, / Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!» (Ном. II. XVIII. 109–11; пер. Н. Гнедича). Иными словами, тело человека является не живым «контейнером» для попадающего в него гнева, а пространством, которое «оживляет гнев»², который всегда присутствует в теле героя.

Трагедия Софокла «Аякс» позволяет нам сравнить гнев Аякса с гневом Ахиллеса. Вспоминая славные деяния Аякса при Саламине (*Soph. Aj.* 612 и далее), хор говорит, что у него особый тип великой души, которая может болеть³ и реагировать на внешние обстоя-

¹ Пичугина, Жирнова (2023). С. 44, 60–61.

² Purves (2015). P. 88.

³ В другой трагедии Софокла присутствует намек на то, что Геракл всю жизнь болел той же болезнью (*Soph. Trach.* 544), которая лишь обострилась из-за внешней причины.

ства отчуждением. Это отчуждение может быть понято как отстранение Ахиллеса от битв в момент гнева на Агамемнона. Однако далее хор подчеркивает, что гнев Аякса и гнев Ахиллеса — это разные типы гнева: затаенная обида на Одиссея привела к тому, что Аякс начал испытывать гнев, который для такого типа души ведет к безумию. Поэтому Аяксу с его своенравной душой суждено иметь «участь безграничных скорбей» (Soph. *Aj.* 926–9). В таком контексте Аякс становится в один ряд не с Ахиллесом, а с Гераклом и Филоктетом. Аяксу, как и Гераклу, не удастся справиться с гневом, что имеет тяжелые последствия для него и окружающих, а Филоклету удастся завершить противостояние между «героическим я» и состоянием «внутреннего зверя»¹, которое является следствием его гнева на Одиссея. Когда Аякс гневается на Одиссея, он не может бороться с гневом так, как это делал Ахиллес. Гнев побеждает Аякса не потому, что он не может провести такую работу над собой, как это сделал Ахиллес, а потому, что в этот процесс вмешивается Афина. Освободившись от безумия, которое на него наслала богиня, Аяксу не остается ничего, как вспомнить дилемму, которая стояла перед Ахиллесом: вести жизнь труса или умереть. Аякс выбирает второй путь, используя смерть как еще одно доказательство того, что именно он был достоин щита Ахиллеса.

Аякс страдающий: противопоставление щита и меча. Софокл выбирает Аякса — гомеровского героя, который лучше всего иллюстрирует тонкую грань между тем, что присуще человеку, и тем, что свойственно вещи. И эта грань становится видимой не только благодаря щиту Аякса, но и благодаря его мечу. Очевидно, что гомеровский Аякс (как и Аякс у других авторов) также не существовал без других элементов вооружения. Здесь я хочу подчеркнуть то, что значимость щита пересматривается: в трагедии Софокла важным для Аякса является не только щит (подчеркивающий его роль как защитника), но и меч (делающий его нападающим, сначала на других и в том числе, на Одиссея, а затем на самого себя).

Наличие у Аякса именно этого меча снова возвращает нас к «Илиаде» и противостоянию Аякса и Гектора. В одном из эпизодов описывается, что поединок между героями был отменен из-за

¹ Worman (2000). P. 5.

наступления темноты, и во время этого они обменялись дарами. Гектор подарил Аяксу свой меч (Ном. II. VII. 303–5), а тот в свою очередь передал троянцу пояс. Этот подарок Гектора может быть назван одним из главных героев трагедии Софокла: это «важнейший сценический реквизит трагедии, физический и психологический символ славы могучего воина и последующего позора»¹. Меч является даром врага (Soph. *Aj.* 660–5), который создан во вражеской земле (Soph. *Aj.* 815–9), что не может принести Аяксу ничего хорошего. Подчеркивается прочность меча, который получил свои свойства благодаря заточке «на пожирающем железо камне» (Soph. *Aj.* 819–20). Очередная метафора прочности, связанная с камнем, позволяет рассматривать самоубийство Аякса как столкновение меча (= некогда ставшего сильнее благодаря камню) и камня (= Аякса, который тоже как камень, но стал слабее).

Меч Аякса напоминает нам о не утратившем связь с прежним владельцем лука Филоктете и позволяет рассуждать о том, что «смерть Аякса едва ли напоминает самоубийство», если тот «все еще “должен” Гектору»². Вероятно, в трагедии Софокла меч как реквизит впервые появляется, когда Аякс произносит свою знаменитую вводящую в заблуждение речь (Soph. *Aj.* 646–92). Эту речь предваряет речь Текмессы, которая в драматическом мире становится аналогом речи Аякса к Ахиллесу, где также было указано на недостаточное почтение к старому отцу и недостаточную заботу по отношению к юному сыну. Эта речь — очень человеческое наставление, которое может быть сопоставлено с божественным наставлением, данным Афиной Одиссею в начале трагедии. Когда в «Илиаде» Андромаха просила Гектора остаться на городской стене и сосредоточиться на обороне, тот отвечает, что не хочет быть трусом. Текмесса предлагает «более структурированный аргумент»³ для того, чей щит был назван «башней» (Ном. II. VII. 219). После ее слов Аякс говорит, что перестал чувствовать себя закаленным железом⁴. Другими словами, Аякс утверждает, что способен, но не жела-

¹ Esposito (2010). P. 191.

² Mueller (2015). P. 16.

³ Stuart (2005). P. 23.

⁴ В переводе С. Шервинского это поэтично звучит так: «Смягчился вдруг, остыл, как меч в воде...».

ет меняться, потому что начинает чувствовать себя человеком не в своем привычном теле, которое было устойчивее к внешним воздействиям. Материальность мира героя пошатнулась под наставительной речью Текмессы, но встать на путь ученичества, как сделал это Одиссей, Аякс не готов.

Незадолго до самоубийства не только Аякс, но и хор начинают говорить о нем как уже не принадлежащим к миру живых. Так, хор называет Аякса мертвым телом, употребляя слово «ἔμτεδος» (*Soph. Aj.* 640). Здесь мы снова видим диалог Софокла с Гомером: «Если живое тело гомеровского героя — *trôtos*, то *empredos* обозначает мертвое тело наиболее выдающихся героев, тела которых должны быть сохранены в целости и сохранности до совершения погребальных ритуалов (например, *Hom. Il.* 19.33, 39)»¹. Именно эта тема становится значимой для дальнейшего развития трагического действия.

В трагическом мире удивительным образом не только «оживало» оружие, но и имело «жизнь» мертвое тело героя. Трагедии, где в основу сюжета было положено манипулирование с мертвым телом², не являются редкостью (например, одноименные трагедии Еврипида и Софокла «Электра», «Антигона» Софокла и др.). Для нашего исследования важны трагедии, где еще живые герои начинают рассуждать о себе как уже о мертвом теле. Например, трагедия Софокла «Трахинянки» помогает понять, как владение исключительным оружием в трагическом мире могло быть связано с убийством или вести к самоубийству. Узнав, что Геракл на Эвбее, Деянира сразу же вспоминает оракул и говорит Гиллу, что его отец или

¹ Gavrylenko (2012). P. 491. В. Гавриленко подчеркивает также любопытную инверсию: умершие герои становятся «бессмертными смертными», и их тело, названное *empredos*, кажется сильнее и крепче, а умершие боги становятся «смертными бессмертными» и определяются как *trôtos*. *Ibid.* P. 499.

² Комедии тоже не обходили «мертвое тело» стороной. В «Лягушках» Аристофан комедийно обыгрывает общение живых и мертвых: Дионис встречает похоронное шествие, обращается к покойнику с просьбой передать кое-что в царство мертвых, а затем начинает с жаром торговаться по поводу цены за эту услугу (*Ar. Ran.* 170–177). Комедия Аристофана активно противостоит трагедии, поскольку его мертвый герой не дает собой манипулировать и требует с Диониса две драхмы (почти двойная плата за полное участие в Городских Дионисиях, посвященных тому же богу Дионису).

выполнит задуманное и будет жить долго, или покончит с собой (Soph. *Trach.* 76–7, 79–81). Далее Деянира снова возвращается к этому оракулу в диалоге с хором. Она говорит, что Геракл обычно всегда уходил, чтобы победить, а не умереть, но в последний раз все было иначе. Он оставил своеобразное завещание¹, действуя в некотором смысле как уже мертвый человек (Soph. *Trach.* 161), и раскрыл ей предсказание оракула (Soph. *Trach.* 161–8). Она снова подчеркивает, что Геракла ждет счастливая жизнь или смерть: два пути, которые возможные для героя.

В трагедии Еврипида «Геракл» выбор одного из этих путей возникает, когда Геракл оказывается одновременно похожим на Аякса и Эдипа, также осознавших тяжесть содеянного и желающих собственной смерти. С одной стороны, Геракл ближе к Аяксу, потому что творил преступления в безумии, а не по незнанию, а с другой — к Эдипу, потому что творил их по отношению к своим близким. Когда Геракл решает покончить жизнь самоубийством (Eur. *HF.* 1146–52), вмешивается Тесей (Eur. *HF.* 1153). Сюжет начинает разворачиваться в новом направлении, приводя к упомянутому выше диалогу Геракла с оружием.

Вернемся к трагедии Софокла «Аякс». После смерти Аякса герои трагедии начинают наставлять друг друга относительно того, что делать с его мертвым телом. Столпившись над телом Аякса, они ведут с ним своеобразный диалог, помещая его в пространство между живыми и мертвыми. Тевкр и Менелай затеивают спор, где каждый отстаивает свое мнение относительно правомерности призываний Аякса на доспехи Ахиллеса. После того как Агамемнон утверждает, что Тевкр не имеет права говорить, на сцене появляется Одиссей, которому, напротив, дано такое право. Одиссей признает, что Аякс — второй по доблести воин после Ахиллеса, тем самым вступая в конфликт с Агамемноном. Именно благодаря Одиссею, который, как и Ахиллес, жалеет своих врагов, Агамемнон меняет решение и разрешает похоронить тело Аякса. По одной из гипотез, текст трагедии позволяет предположить, что рядом с мертвым телом Аякса лежит его щит, на котором его затем и уносят со сцены². Таким обра-

¹ В трагедии Еврипида «Геракл» Мегара также вспоминает о наследстве, которое Геракл даровал каждому сыну.

² Mueller (2015). P. 148; 152.

зом, вопрос о мертвом теле воина решается благодаря другим, а вопрос о его вооружении Аякс предусмотрительно решил сам.

Аякс наставляющий: передача щита. Итог трагедии Софокла таков: жизни Аякса без щита не будет, но будет жизнь щита Аякса без Аякса. И особая роль в этом отведена Еврисаку — сыну Аякса и Текмессы, о воспитании которого герой задумывается накануне самоубийства. Имя мальчика — Εὐρύσακος — означало «широкий щит», что и подчеркивает Аякс (Soph. *Aj.* 564), давая близким свои последние наставления. Вспоминая доблесть Теламона, Аякс сетует, что ему не удастся вернуться домой в лучах славы, хотя он и приложил к этому немало усилий (Soph. *Aj.* 435–40). Герой сетует, что не может вернуться к отцу без щита Ахиллеса, потому что предстанет перед ним «обнаженным», то есть без материального воплощения его воинской доблести (Soph. *Aj.* 464). И этой возможности его лишил Одиссей. Указание на внешнюю причину своей беды позволяет Аяксу смягчить ощущение нарушенной связи между героическим отцом и героическим сыном и перейти к следующему звену в этой цепи — Еврисаку, внуку Теламона. Обращаясь к морякам, Аякс просит, чтобы его оружие не досталось соратникам: Тевкр должен передать знаменитый семислойный щит Еврисаку, а все остальное вооружение захоронено вместе с телом Аякса (Soph. *Aj.* 565–77). Здесь щит назван «σάκος» — словом, которое всегда использовалось для обозначения щита Аякса в «Илиаде» (Soph. *Aj.* 576).

Аякс укрепляет акт передачи вещи словами, желая сыну быть таким же, как отец, только более удачливым (Soph. *Aj.* 550–1). Это пожелание может быть рассмотрено как блокировка отцом военного потенциала сына, если мы вспомним, что Гектор желал сыну быть успешнее его (Hom. *Il.* VI. 479). На мой взгляд, Аякс-отец у Софокла проявляет заботу о сыне, как будто искупая вину, которую ему некогда вменил Гомер. В «Одиссее» Аякс проигрывает другим героям-отцам, даже в подземном мире не интересуясь сыном и являя «неуместную гордость»¹: расспросив о многом Одиссея, Ахиллес чувствует гордость за сына, которого он никогда не знал, а Агамемнон спрашивает новости о сыне, которого он никогда больше не

¹ Reinhardt (1996). P. 140.

увидит (Hom. *Od.* XI. 440–540). Вероятно, души героев даже после смерти продолжают желать чего-то помимо войны, вспоминая об отцах, матерях, женах и детях; но душа Аякса иная. Неслучайно Одиссей видит, что в царстве мертвых душа Ахиллеса имеет особый статус (Hom. *Od.* XI. 467–91; 539) и рядом с ним душа Аякса. Кроме того, в «Государстве» это подчеркивает Платон: указывая, что каждая душа может выбрать жизнь в загробной жизни, он приводит в пример Аякса, который предпочел быть львом, а не человеком из-за своего постоянного гнева на Одиссея о доспехах Ахиллеса (Pl. *Resp.* X. 620b).

Не имея возможности передать сыну щит Ахиллеса, Аякс передает Еврисаку свой щит. Щит Аякса (как и щит Ахиллеса) может быть рассмотрен с точки зрения его способности опосредовать агентность в материальном мире¹. С одной стороны, каким бы ни был щит, это все же оборонительное оружие и «его передача агентности работает иначе, чем у меча»², с другой — щит лучше, чем меч, помогает понять феномен «агентного сожаления»³, когда честь оказывается выше добродетели. Вероятно, особенности агентности щита Аякса могут быть поняты, если рассматривать этот щит как гарантию безопасного перемещения Еврисака под присмотром моряков на родину героя, к Теламону и Эрибее. Неслучайно моряки говорят, что Аякс был для них лидером, который закрывал их от опасностей ночи (Soph. *Aj.* 1211–22), то есть был носителем не только реального, но и ментального щита.

Слова о передаче щита сыну еще не сам акт передачи⁴, однако после этих слов Аякс оказывается воином без щита, то есть его тело становится беззащитным, и следующим шагом станет самоубийство героя. У Софокла для героя, оставшегося без щита (именно как *σάκος*), есть только одно будущее — смерть. После смерти Аякса Тевкр выполняет наказ брата: он велит идти в шатер Аякса и принести все его доспехи, кроме щита, чтобы осуществить погребальную

¹ Gell (1998).

² Mueller (2015). P. 135.

³ Stuart (2005). P. 21.

⁴ Возможность такого акта тоже не исключена: грамматика сцены позволяет прочитать ее так, что Аякс-актер держит щит-реквизит, а Еврисак-актер его берет.

процессию. Примечательно то, то щит здесь назван ἄσπις (Soph. *Aj.* 1408). Вероятно, это лучшее название для щита, у которого слава от Аякса уже в прошлом, а слава от Еврисака еще в будущем.

Таким образом, в эпическом мире щит акцентировал внимание на том, что тело героя постоянно находится в пространстве между жизнью и смертью. Героическая смерть воина в «Илиаде» описывалась с обязательным указанием на то, какую роль щит сыграл в том, что тело оказалось фатальным образом повреждено. Аякса можно рассматривать как самого «материального» из гомеровских героев — того, кто являл феномен монолитной каменной глыбы (тела щита) и чей щит всегда назван только словом σάκος. Многочисленные указания на семь слоев щита Аякса позволяют говорить о прочности, а указания на башенную форму щита (σάκος εἶτε πύργον, Hom. *Il.* XI. 485, Hom. *Il.* XVII. 219, Hom. *Il.* VII. 219) — о каменной прочности.

В трагическом мире в большей степени страдало не тело, а душа героя, однако щит продолжал оставаться важной частью экипировки героя. Идущая от Гомера и не всегда уловимая современными исследователями разница между σάκος и ἄσπις присутствует в трагедии Софокла «Аякс», когда главным для щита и его носителя становится не способность защитить, а способность наставить себя и других. У Софокла защита тела без защиты души невозможна: главный герой охарактеризован как тот, кто должен быть не только физически, но и душевно прочен как башня (πύργος, Soph. *Aj.* 159). Это требует пересмотра значимости щита героя, начина с невиновности щита в деяниях Аякса в безумии и завершая противостоянием щита и меча, когда самоубийство метафорически определяется как столкновение металла (меча) и камня (тела героя). В трагедии «Аякс» история героя как носителя особого щита получает завершение: решившийся на самоубийство герой балансирует на грани жизни и смерти и перестает воплощать идеальное единство тела героя и его оружия. Софокл окружает Аякса моряками, лучниками и гоплитами, ставя вопрос о значимости индивидуального (единство воина и его щита) и коллективного ношения щитов (щиты воинов как единый щит). Итогом трагедии становится то, что прочность, превосходящая человеческие возможности, разрушается, и «каменный» Аякс перестает существовать.

У Софокла главные герои действуют в пространстве сложной материальности слов и дел, когда спор Одиссея и Аякса за щит Ахиллеса решен не в пользу Аякса. В рамках традиционных подходов Аякс как более «материальный» герой, чем Одиссей, обязан остро реагировать на то, что ему не достается щит Ахиллеса. В рамках нового материализма стало возможным говорить о том, что острота этой реакции связана не только с тем, что герой не получает то, что является материальным воплощением его заслуг. Трагическому Аяксу катастрофически не хватает не столько реального, сколько ментального щита, чтобы остаться в живых после завершения Троянского похода. В современном мире мы как никогда остро понимаем, что среди нас не может быть как Одиссея, которому не нужен мир вещей, так и Аякса, которому не интересен мир идей. В современном мире история об Аяксе и его щите приобретает новое звучание, потому что мы как никогда остро понимаем важность заботы о теле (защиты тела) и заботы о душе (защиты души).

Материал поступил в редакцию 4.03.2025

Материал поступил в редакцию после рецензирования 14.03.2025

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bershadsky, N. (2010) "The Unbreakable Shield: Thematics of Sakos and Aspis", *Classical Philology*, 105.1, 1–24.
- Bolens, G. (1999) "Homeric Joints and the Marrow in Plato's Timaeus: Two Logics of the Body", *Multilingua*, 18.2/3, 149–157.
- Bolens, G. (2001) "The Limits of Textuality: Mobility and Fire Production in Homer and Beowulf", *Oral Tradition*, 16.1, 107–128.
- Chase, G.H. (1902) "The Shield Devices of the Greeks", *Harvard Studies in Classical Philology*, 13, 61–127.
- Esposito, S. (2010) "An essay on Sophocles' Ajax", in S. Esposito, ed. *Odysseus at Troy: Sophocles' Ajax and Euripides' Hecuba and Trojan Women. Translations with Introductions, Notes, and Essays*. Cambridge: Focus, 189–210.
- Gasti, H. (1992) "Sophocles' 'Ajax': The Military 'Hybris' ", *Quaderni Urbinati di Cultura Classica, New Series*, 40(1), 81–93.
- Gavrylenko, V. (2012) "The "Body without Skin" in the Homeric Poems", in M. Horstmannshoff, H.King, C.Zittel, eds. *Blood, Sweat and Tears — The Changing: Concepts of Physiology from Antiquity into Early Modern Europe*. Leiden-Boston: Brill, 481–502.

- Gell, A. (1998) *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Hinz, E.J. (1990) “An Introduction To War and Literature: Ajax Versus Ulysses”, *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, 23.3, V–XII.
- Kamerbeek, J. C. (1966) “Unity and Meaning of Euripides’ *Heracles*”, *Mnemosyne*, 19.1, 1–16.
- Kirkpatrick, J., Dunn, F. (2002) “Heracles, Cercopes, and Paracomedy”, *Transactions of the American Philological Association*, 132 (1/2), 29–61.
- Knox, B. (1961) “The Ajax of Sophocles”, *Harvard Studies in Classical Philology*, 65, 1–37.
- Morosi, F. (2024) “Sophocles’ Ajax: Solitude and Change”, in S. Speriani, S. Harrison, eds. *Polytropos Ajax. Roots, Evolution, and Reception of a Multifaceted Hero*. Berlin/Boston: De Gruyter, 57-70.
- Mueller, M. (2015) “Ajax’s Shield: Bridging Troy and Athens”, in *Objects as Actors. Props and the Poetics of Performance in Greek Tragedy*, Chicago; London: University of Chicago Press.
- Nagy, G. (1990) *Greek Mythology and Poetics*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Nortwick, T.V. (2008) *The Unknown Odysseus: Alternate Worlds in Homer's Odyssey*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Paipetis, S.A. (2010) *The Unknown Technology in Homer. History of Mechanism and Machine Science*. London – New York: Springer.
- Pichugina, V. (2020) “The shield as pedagogical tool in Aeschylus’ Seven against Thebes”, *Hypothekai*, 4, 121–170.
- Purves, A. [C.] (2015). “Ajax and Other Objects: Homer’s Vibrant Materialism”, *Ramus*, 44, 75–94.
- Ready, J.L. (2023) *Immersion, Identification, and the Iliad*. Oxford: Oxford University Press.
- Reinhardt, K. (1996) “The adventures in the Odyssey. Translated by Harriet I. Flower”, in S. L. Schein, ed. *Reading the Odyssey: Selected Interpretive Essays*. Princeton: Princeton University Press, 63–132.
- Scodel, R. (2003) “The Politics of Sophocles’ *Ajax*”, *Scripta Classica Israelica*, 22, 31–42.
- Snell, B. (1982 [1946]) *The Discovery of the Mind in Greek Philosophy and Literature*. New York: Dover.
- Stuart, L. (2005) “Ancient Ethics, the Heroic Code, and the Morality of Sophocles’ *Ajax*”, *Greece & Rome*, 52(1), 18–33.

- Vernant, J.-P. (1989) *L'Individu, la mort, l'amour. Soi-meme et l'autre en Grece ancienne*. Paris: Gallimard.
- Weil S. (2005) "The Iliad, or the Poem of Force", in Weil S., Bessaloff R., eds. *War and the Iliad. With an essay by Hermann Broch*. NY: New York Review Books, 1-38.
- Wigodsky, M.M. (1962) "The Salvation of Ajax", *Hermes*, 90, 149–158.
- Woodruff, P. (2011) *The Ajax Dilemma: Justice, Fairness, and Rewards*. New York and Oxford: Oxford University Press.
- Worman, N. (2000) "Infection in the sentence: the discourse of disease in Sophocles' Philoctetes," *Arethusa*, 33.1, 1–36.
- Zanker, G. (1992) "Sophocles' Ajax and the Heroic Values of the Iliad," *The Classical Quarterly*, 42(1), 20–25.
- Пичугина, В.К., Жирнова А.С. (2023) Курикулум для героя: Геракл и Ахиллес: монография / под ред. В.К. Пичугиной, илл. А.С. Жирновой. Калининград: БФУ. [Pichugina, V.K., Zhirnova A.S. (2023) Kurrikulum dlja geroja: Gerakl i Ahilles: monografija / pod red. V.K. Pichuginoj, ill. A.S. Zhirnovoj. Kaliningrad: BFU].
- Пичугина, В.К. (2023) «Лучник против гоплита: образовательный путь Геракла в текстах и образах», *Диалог со временем*, 83, 198–214. [Pichugina, V.K. (2023) «Luchnik protiv goplita: obrazovatel'nyj put' Gerakla v tekstah i obrazah», *Dialog so vremenem*, 83, 198–214].
- Пичугина, В.К. (2024) «Новый герой для нового мира: особенности ученического пути Одиссея в древнегреческих трагедиях», *Диалог со временем*, 87, 115–133. [Pichugina, V.K. (2024) «Novyj geroj dlja novogo mira: osobennosti uchenicheskogo puti Odisseja v drevnegrecheskih tragedijah», *Dialog so vremenem*, 87, 115–133].

THE SHIELD IN SOPHOCLES' TRAGEDY
AJAX AND THE MATERIALITY OF THE HEROIC WORLD
TO INSTRUCT AND TO PROTECT

Victoria K. PICHUGINA

In *The Iliad*, a unique materiality of the warrior's world is depicted, emphasizing the intimate connection between the hero and his weapons. The Homeric hero's shield serves as a contact surface, simultaneously permeable and impenetrable to external forces, as the hero's body constantly exists in the liminal space between life and death. Homer's descriptions of heroes with shields, along with the

words used to denote shields, highlight the presence or absence of a boundary between the human (living corporeality) and the non-human (inanimate metallicity). In *The Iliad*, the complexity of the contexts in which the terms *στάκος* and *ἀσπίς* are used to refer to a hero's shield may stem from the difficulty of defining the hero as its bearer. The shield's durability ensures the hero's own endurance, and vice versa. Ajax is the only hero in *The Iliad* whose shield is exclusively referred to as *στάκος*. His shield, composed of seven layers, grants him rock-like strength and, like Achilles' armor, imposes special obligations upon its bearer. In Sophocles' *Ajax*, the dispute between Ajax and Odysseus over Achilles' armor unfolds within a realm of complex materiality—both linguistic and physical. In the tragic world, the hero's story as a bearer of a distinctive shield reaches its conclusion, and the significance of the shield is reconsidered through the use of the words *στάκος* and *ἀσπίς*. Not only does the hero's shield reinforce his traditional role as a defender, but the sword, in contrast, casts him as an aggressor — first against others, and then against himself. As in Homer, Sophocles emphasizes that the shield's significance extends beyond — it also serves as a means of instruction, both for its bearer and for others. The shield of Ajax acquires a crucial role in the protection and guidance of his son, Eurysaces, whose name literally means “broad shield.” Ajax's suicide is metaphorically framed as a collision between metal (the sword) and stone (the hero's body) — a clash that even Ajax's famous shield, which once made him resemble a monolithic stone mass, is unable to prevent.